

АВТОРСТВО, КРЕАТИВНА МАЙСТЕРНІСТЬ У ЛІТЕРАТУРІ XVIII – XIX ст.

УДК 821.111 «17»

Н. В. Калиберда

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТЕМА ОДЕЖДЫ В «ПАМЕЛЕ» С. РИЧАРДСОНА: ВЕРСИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Розглянуто думки дослідників про поетологію костюма у романі С. Річардсона «Памела». Тема одягу в тексті привертає увагу дослідників академічної традиції, які оцінюють костюмну деталь як ресурс поглиблення характерів, ускладнення сюжетної будови твору. Феміністська літературна критика звертається до широкого соціокультурного розуміння проблеми. Спираючись на категорії гендера, фемінності, маскулінності, привертає увагу читачів та критиків до нових змістовних аспектів: складнощів існування жінки в патріархатному світі, де влада належить чоловікам, а також до опису моделі поведінки у сім'ї, значущості християнських цінностей, які формують ідеал «ангела у домі». Його появу пов'язують з виникненням в англійській культурі XVIII – XIX ст. концепту «domesticity».

Ключові слова: «мова одягу», костюмна деталь, гендер, фемінність, маскулінність, поняття «domesticity», образ «ангола у домі».

Осуществлен обзор мнений литературоведов о поэтологии костюма в романе Ричардсона «Памела». Код одежды в тексте привлекает исследователей академической традиции, оценивающих костюмную деталь как ресурс углубления характеров, усложнения сюжетного строя произведения. Феминистская литературная критика обращается к широкому социокультурному пониманию проблемы. Опираясь на категории гендера, феминности, маскулинности, привлекает внимание читателей к новым содержательным аспектам: драматизму существования женщины в патриархатном мире, где власть принадлежит мужчинам, а также к описанию модели поведения в семье, значимости христианских ценностей, формирующих идеал «ангела в доме». Его появление связывают с возникновением в английской культуре XVIII – XIX ст. концепта «domesticity».

Ключевые слова: «язык одежды», костюмная деталь, гендер, феминность, маскулинность, понятие «domesticity», образ «ангела в доме».

The article contains the review of researchers' opinions about poetics of suit in S. Richardson's «Pamela». The theme of clothes in the text attracts the researchers of academic tradition, which estimate a suit detail as a resource of deepening of characters, complication of a plot line of the novel. Feminist literary criticism turns to the wide sociocultural understanding of the problem. Leaning on the category of gender, femininity, masculinity, attracts attention of readers and critics to the new substantive aspects: complications of existence of a woman in the masculine world, where power belongs to the men, as well as the description of a model of conduct in a family, the meaning of Christian values that form the ideal of «the Angel in the House». Its origin is connected with the emergence of «domesticity» concept in the English culture of the XVIII – XIXth centuries.

Keywords: a motif of clothes, a suit detail, gender, femininity, masculinity, «domesticity» concept, the image of «the Angel in the House».

Интерес к теме платья в романах С. Ричардсона обозначился давно, был за-
явлен в работах академического литературоведения в 70-е годы прошлого века,

обумовлен вниманием к авторским приёмам создания характера героя, чей жизненный опыт разрушал условности, изжившие себя социальные барьеры, передавал становление новой морали, основывающейся на защите гражданских свобод и достоинства человека [6; 10].

Ричардсон не был первым, кто обратился к женской теме в романе⁴. Однако судьбы его женских персонажей позволили увидеть, как изменялись обычаи, преобразались гендерные роли мужчины и женщины в социуме и семье⁵. Поначалу литературных критиков язык одежды в творчестве Ричардсона занимал постольку, поскольку помогал более глубоко раскрыть внутренние мотивы поступков действующих лиц в романах, многомерно обнажить натуру и душевный склад персонажей, выделить черты среды, где они существовали, что закладывало основания для становления поэтики классического семейного романа (“domestic novel”). Рисунок характера главной героини, желание уточнить, понять его неоднозначность приводит исследователей к внимательному прочтению романа и попытке выстроить объективно сложное представление о Памеле, избегая категоричности, учитывая столь на первый взгляд противоречивое, неоднозначное свойство натуры персонажа, неожиданные действия и поступки.

Платя, в которых появляется молоденькая служанка, живо переданные костюмные детали являются, по мнению исследователей, пространством существования особого женского текста (“convincing feminine language”) [6, p. 10]. Они сразу же замечают, как умело пользуется «языком одежды» Памела: “There I trick’d...” [6, p. 10]. М. Кинкид-Уикс в монографии «Samuel Richardson. Dramatic Novelist» (1973), исходя из традиционного понимания воплощения образа центрального персонажа в романе, оценивает эволюцию и стадии упрочения личности Памелы в зависимости не только от нравственного мужания, развёрнутых размышлений, изложенных в её письмах, часто обретающих характер исповеди, но и от продуманности её поступков и осознания её зависимости от сложившихся в обществе обычаев и обстоятельств [6]. Он указывает на особое мастерство С. Ричардсона в выстраивании внутреннего и внешнего сюжета, где ход мыслей Памелы дополняют её решения и действия. И тогда интрига, разворачивающаяся между Памелой и сквайром, не только приобретает черты костюмированного, театрального действия, но и оказывается дополнительным семиотическим планом, наращивающим семантический объём образа и приобретающим функцию символического истолкования характеров [6].

М. Кинкид-Уикс подчёркивает, что для Памелы новая одежда оказывается метафорой её отношения к изменившимся социальным обстоятельствам. Мотив переодевания, известный и в фольклоре (сказка о Золушке), и в ренессансной новеллистике (рассказ Чосера о Гризельде), не только придаёт занимательности сюжету, но и актуализирует этико-эстетическое значение одежды для человека, которая может красоту её обладателя сделать более выразительной или, напротив, утаить от окружающих [6, p. 11].

⁴ Женщины-авторы стоят у истоков литературного явления, получившего название «любовной прозы» («amatory fiction»), где перипетии судьбы героини, её внутренний мир и обстоятельства жизни, драматизм испытаний, как правило, были соотнесены со взаимоотношениями с мужчиной, осознанием меры свободы в выборе суженого и поведения в браке. В текстах Афры Бен, Мэри Деларивьер Мэнли, Элизы Хейвуд женские персонажи демонстрируют знание светского этикета, порою отваживаются на нарушение традиций, виртуозно меняют социальные маски, выступая то в амплу добродетельной хозяйки дома, то искусственной ценительницы досуга и флирта [11].

⁵ Противостояние Памелы вероломному сквайру, Лавлас, цинично разрушающий жизнь Клариссы, Чарльз Грандисон, медлящий с выбором спутницы, отражали сложность эпохи, освещали её болевые коллизии.

М. Кинкид-Уикс обращает внимание на виртуозную нюансировку движения сознания героини, к которой прибегает Ричардсон. Поначалу естественно и простодушно, Памела воспринимает молодого хозяина имения и его внимание к челяди, она бессознательно радуется щедрым дарам сквайра, так как молода и хороша собой. И это отчасти даёт импульс к двойственному истолкованию поведения Памелы. Когда приходит прозрение, идеальный образ мистера Б. разрушается, она открывает для себя реальность обстоятельств, которая тревожит её. Знаком внешних перемен состояния Памелы станут поступки и её осознанный выбор: она откажется от чуждого для неё господского платья и наденет наряд крестьянки, органичный её положению. В нём, тем не менее, она будет выглядеть привлекательно. Но, казалось бы, трезвое осознание своего статуса приведёт к неожиданным последствиям. Эффектный сюжетный ход появления героини в новом облике неожиданно будет истолкован как кокетство, вероломство и лицемерие. И ещё более осложнит её судьбу в Бэдфордшире [6].

Следует заметить, что литературные критики увидели в «Памеле» особый сюжет о роли платья в жизни героев. В нём есть свои перипетии: дарение одежды, решение избавиться от нарядов, тема роскоши и бедности в социальном коде платья, уместности и, напротив, ошибочного выбора костюмов героями. Так, М. Кинкид-Уикс пишет: «There is ... likely to be a vivid concentration on the clothes themselves, to make the story's contrasts more colourful...» [6, p. 11].

В 70-е годы идёт активное становление феминистской литературной критики, определяющей для себя предмет интересов, границы научного поиска, опробующей в процессе описания женской темы терминологию, которая с течением времени станет канонической. Рождаясь как междисциплинарное явление школы феминистского литературоведения, иногда оказывается близка социологии культуры, и многие заявленные ею проблемы расценивает как прикладные, затем «прорастающие» в художественной плоти произведения. На исходе XX века в науку о литературе входит понятие «domesticity» – семейного быта, пространства дома, описание непубличного социального уклада, существования человека, распределения в нём ролей, изменчивых амплуа, в которых выступают мужчины и женщины. Именно с концептом «domesticity» соотносят формирование в культуре XVIII–XIX вв. представление об идеале новой женственности (феминности) и её ценностных характеристиках, где преобладают такие свойства как благожелательность, набожность, смирение, столь необходимые в повседневном общении близких людей. Творчество романистов-классиков: Ричардсона, Филдинга, Смоллетта, Голдсмита, яркие образы созданных ими героинь удачно воплощают версии востребованного эпохой культурного типа женского поведения, впоследствии столь удачно метафорически названного «ангелом в доме». Специалисты проницательно замечают, что в текстах, посвящённых семье, роль мужчин, за которыми сохраняется власть в социуме, также изменится: они хотя остаются устроителями мира, личных отношений, всё же откроются как характеры, отбросившие маски величия, мужественности, героизма, столь необходимые им во внешних обстоятельствах, и предстанут носителями чувств, эмоций, открытые любви, страсти, подверженные слабостям [1; 3].

Литературоведы феминистской школы (Дж. Джеймс, Т. Гвиллиэм, К. Лэффит), обращаясь к образу Памелы Ричардсона, выделяют в нём сложные составляющие [4; 5; 7]. Прежде всего, их привлечёт личность Памелы Эндрюс как социокультурное явление, как женщины, изменившей свою жизнь благодаря природным и приобретённым ею достоинствам. Исследователи подробно прокомментируют социальное возвышение Памелы, путь героини в светское общество. Они опишут феномен Памелы сквозь призму её женственности, попытаются выделить знаки

феминности в её эпистолярном творчестве, обозначат черты женского письма в дневнике и письмах Памелы.

Тема феминности в «Памеле» присутствует в тексте романа не ясно, проявляется с помощью особого символического языка. Женственность Памелы окрашивает её поведение, проступает в манере «сочинительства», увлечённости написанием писем, что настораживает сквайра и чрезвычайно раздражает. Ведь героиня зависима, в мире, где властвуют мужчины, ей отведена роль служанки в поместье щедрых и благородных хозяев. Содержание и характер созданных Памелой текстов несёт на себе печать её душевных переживаний и нравственного преобразования, и по мере стремительного развития событий в романе письма Памелы приобретают черты уже сложившихся литературных форм. Вначале её общение с родителями вкладывается в норму этикета письмовника, где воспитанная в уважении дочь отчитывается об исполнении нравственных уроков, которые они ей преподали: «I am going on again with a long letter; for I love writing, and shall tire you. But, when I began, I only intended to say, that I am quite fearless of any danger now: and, indeed, cannot but wonder at myself, (though your caution to me was your watchful love,) that I should be so foolish as to be so uneasy as I have been» [10, p. 47], «But still your kind fatherly cautions came into my head, and made all these gifts nothing near to me what they would have been» [10, p. 51].

Когда к девушке приходит понимание истинного положения в Бэдфордшире, её тексты становятся эмоциональными, исполненными тяжких размышлений, переживаний, жалоб, где ощутимы черты литературы чувствительности: «O my dear mother! I am miserable, truly miserable!» [9, с.53], «...oh! my heart's broke almost; for what am I likely to have for my reward, but shame and disgrace, or else ill words, and hard treatment...» [10, p. 54].

В Линкольншире, где Памела находится в заточении, она обращается к другому адресату, пастору Уильямсу, и просит защиты у него и его влиятельных патронов, помещиков-прихожан. Памела не только расскажет свою предысторию, в которой раскроет ложность легенды, придуманной сквайром Б., о том, что она легкомысленная девица, забывшая о своём долге и решившаяся на бегство с возлюбленным, что повлечёт за собой попытку молодого джентльмена её перевоспитать и спасти от падения, но и осмелится на обличение своего вероломного и безнравственного хозяина.

По-новому проявит себя Памела в своеобразном поединке со сквайром, который состоится как обмен письменными посланиями. Восхищённый упорством Памелы, влюблённый в неё сквайр высоко оценит её рассудочность и самоуважение и предложит ей договор, где подтвердит её права на моральную и денежную компенсацию, которыми, он полагает, возможно вознаградить любовь Памелы к нему. И теперь уже Памела не просто достойно ответит сквайру, но и создаст своего рода «манифест» новой, независимой женщины, которая ценит, прежде всего, свободу в устройстве собственной судьбы: «...to lose the best jewel, my virtue, would be poorly recompensed by those you propose to give me», «...I hope, as I can contentedly live at the meanest rate, and think not myself above the lowest condition, that I am also above making an exchange of my honesty for all the riches of the Indies. When I come to be proud and vain of gaudy apparel, and outside finery, then (which I hope will never be) may I rest my principal good in such vain trinkets, and despise for them the more solid ornaments of a good fame, and a chastity inviolate!» [10, p. 229].

Убедительность доводов Памелы действует на сквайра, но более всего он восхитится глубиной её натуры, богатством души, чистотой помыслов, прочитав её дневник-исповедь. Героиня каждый день описывает свои беды, размышления,

мысли, пребывая в заточении в Линкольншире. Выступив в роли читателя текста Памелы, м-р Б. удивится её характеру, переменится духовно сам, и после возвращения Памелы в Линкольншир, когда она, получив свободу, осознает свою любовь и привязанность к молодому джентльмену, уже выступит автором текста, где прописывается мораль и поведение женщины, независимой от предрассудков. Теперь умудрённая опытом Памела создаёт своего рода проповедь о привлекательности любовного союза между мужчиной и женщиной, уважающих друг друга, образованных, рассчитывающих на взаимную поддержку: «I shall never be able to think of any body in the world but him. – Presumption! you will say; and so it is: But love is not a voluntary thing: Love, did I say? – But come, I hope not: – At least it is not, I hope, gone so far as to make me very uneasy: For I know not how it came, nor when it began; but crept, crept it has, like a thief, upon me; and before I knew what was the matter, it looked like love» [10, p. 283].

Представление об индивидуальности Памелы феминистская литературная критика (Дж. Бэтчелор, Т. Гвиллизм, К. Оливер, С. Уомик) свяжет с кодом одежды, который будет восприниматься не столько обычной костюмной деталью, характеризующей персонажа, сколько как поведенческая формула, оказывающаяся маркером культуры, таящая в себе также и знак её телесности [2; 4; 5; 7; 8; 12].

Перемена нарядов персонажами, внимание к социальной функции костюма, указывающей на имущественное разделение действующих лиц романа, составляют особый метасюжет «Памелы», где имплицитно, непрямо «приращивается» семантический объём текста, соотнесённый с установкой на разрушение нормы, этикета, когда платье и право его надевать выступают подтверждением то благополучия, то бедности героя, его дерзости, либо склонности к роскоши, смирению, и предстаёт как форма бунта, протеста, свидетельства рождения новой женственности, не таящей, но обнажающей телесность как оправдание полноты жизни и правомочности либеральных ценностей.

В оценке характера Памелы и окружающими, и критиками иногда проступают замешательство и двойственность. Многие склоняются к мнению, что натура её сложна и противоречива. И в зависимости от доверия к персонажу или сомнения в нём юной служанке приписывают либо врождённый аристократизм, либо вероломство. Дж. Бэтчелор убеждена, что облик Памелы, которая появляется в нарядах её покойной госпожи, а впоследствии – в домотканом костюме, действительно, может быть истолкован неоднозначно: и как свидетельство её благородного поведения, и как стремление девушки манипулировать другими. Но Дж. Бэтчелор предостерегает от поспешных умозаключений. Она полагает неверным судить о Памеле, следуя лишь внешним впечатлениям, а сюжет романа сводить только к успешному замужеству добродетельной героини. Исследователь допускает, что ричардсоновская Памела «дразнит» своих почитателей и театрализует поведение, дерзко провоцируя заблуждение и непонимание её натуры. Мотивы телесности и рокайльно-эротическая нюансировка скандальных сцен соблазнения сквайром Памелы отвлекает внимание наивных читателей от глубинной структуры романа, который назван её именем [2, p. 30].

Несомненно, упоминания об одежде, предметных деталях костюмов персонажей романа окрашены символикou иносказания. Смена нарядов героиней может быть представлена и как противостояние гендерным нормам, утвердившимся в обществе. Памела стремится стать свободной, желает избавиться от власти над нею молодого господина Б. и отвергает платье как заданную поведенческую роль, чуждую ей «оправу», не соответствующую подлинности её натуры. Код одежды включён Ричардсоном и в описании любви-страсти в романе. Он оказывается знаком мотива телесности в тексте, открыто используемого в эпизодах искушения в

саду, в альковних сценах, а також содержится в обилии отсылок к интимным деталям туалетов, которые обыгрываются автором как метафора тайны, сокрытия, намекает на опасную грань разрушения приличий. От отчаяния в Линкольншире, пытаясь избегнуть неволи, Памела оставит платье на берегу озера с тем, чтобы окружающие поверили в роковые события, а затем буквально разорвёт платье, сломает каблучки в башмаках, не только поранит себя из-за злосчастного падения, но и превратит свою одежду в лохмотья.

Ричардсон соотносит с одеждой перверсии любовного чувства. Власть Памелы над молодым сквайром поначалу очевидна читателю, но не герою. Она шьёт для него одежду, создаёт костюм, который как бы материализует её эмоции, оказывается метафорой сладостной любовной неволи м-ра Б.. В отличие от Памелы, привязанность сквайра к девушке выражается через властно-потребительскую практику соблазна, агрессивно подчиняющую героиню.

Сюжет в «Памеле, или Вознаграждённой добродетели» С. Ричардсона передаёт динамику преображения молодых героев. Любовное чувство, которое вспыхнет между ними, поначалу осложнит их отношения, заставит преодолеть сложившиеся социальные преграды, разрушить предрассудки и увидеть в предмете своей привязанности не сословную маску вельможи и юной служанки, но людей свободных, допускающих равный союз, основанный на уважении другого, привязанности и восхищении не только духовной, но и физической красотой избранника.

Индивидуальность персонажей проявится в поступках, общении друг с другом, спорах, переписке, в языке костюма, который станет своего рода текстом. Потребуется проницательность и искусство, чтобы, не исказив его, разгадать.

Памела и молодой сквайр пройдут сложный путь. По завершению их любовной истории они предстанут другими. Памела возвысится в глазах окружающих, но прежде – своего возлюбленного, и отныне она не только свободна в собственных решениях, выборе друзей, своих желаниях, но и в возможности достойно реализовать себя в слове, которым она безупречно владеет, и в создании образа женственности, символическом коде костюма, органично передающем богатство её внутреннего мира.

Библиографические ссылки

1. Armstrong N. *Desire and Domestic Fiction: A Political History of the Novel* / N. Armstrong. – Oxford : Oxford UP, 1987. – P. 1–133.
2. Batchelor J. *Dress, Distress and Desire: Clothing and the Female Body in Eighteenth-Century Literature* / J. Batchelor. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2005. – P. 1–52.
3. Doody M. Introduction // Richardson S. *Pamela; or Virtue Rewarded* / S. Richardson. – L. : Penguin Books, 1985. – P. 7–20.
4. Gwilliam T. *Pamela and the Duplicitous Body of Femininity* / T. Gwilliam // *Representations*. – 1991. – № 34. – P. 104–133.
5. James J. *Virtunomics: Class, Virtue and Moral Authority in Pamela, Henrietta, and Evelina* / J. James: A Thesis. – University of California, 2011. – P. 1–35.
6. Kinead-Weeks M. *Samuel Richardson. Dramatic Novelist* / M. Kinead-Weeks. – N.Y.: Cornell University Press, 1973. – P. 1–120.
7. Lafitte C. *Eighteenth Century Eroticism between Sermons and Striptease: Pamela, the Pretty Teacher*. – Режим доступа: <https://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2011/10/lafittepaper.pdf>.
8. Mishou Aubry L. C. *Clothes Make the (Wo)Man: Eighteenth – Century Materialism and the Creation of the Female Subject*. / Aubrey L.C. Mishou // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. – 2013. – Vol. V, No. 3.
9. Oliver K. *Samuel Richardson, Dress, and Discourse* / K. Oliver. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. – P. 1–89.

10. Richardson S. Pamela; or Virtue Rewarded. – L. : Penguin Books, 1985. – 539 p.
11. Richetti J. Popular Fiction before Richardson. Narrative Patterns 1700–1739 / J. Richetti. – L. : Clarendon Press, 1992. – 304 p.
12. Womick S. Fashioning Feminities: Sartorial Literacy in English Domestic Fiction, 1740–1853 / S. Womick: PhD Dissertation. – University of North Carolina, 2011. – P. 1–50.

Надійшла до редколегії 06.02.2015 р.